

II. Русичи на земле Балтийской

Как мне же не заступиться за родных своих,
За родных братьев, сердцу близких?..
За своих братьев, за весь белый свет?..

Древнерусская былина

Как известно, некоторые латвийские историки, в угоду сомнительным политическим интересам, базируют свои тезисы на том основании, что «земля латышей» испокон века заселялась исключительно балтами и финно-уграми, а «русские оккупанты» есть пришлый элемент, насильно завезённый сюда в годы «беспощадного советского тоталитаризма». В школьных учебниках рассказывается о том, как в древности «русские феодалы пытались подчинить прибалтийские земли». Жуткое дело: *«Боевые дружины русских князей вторгались в латгальские, ливские и эстонские земли, грабили и разоряли их, уводили жителей в плен»* (И.Кениньш. «История Латвии», стр. 46).

Преисполняешься благородным негодованием, читая как «латгалы и ливы были вынуждены платить завоевателям дань». Вот оно, вековое противостояние! Вот он, исконный враг с востока, от которого ещё в древности вдоволь пострадали предки мирных латышей! Разжигая межнациональную рознь ссылками на «преданья старины глубокой», эти горе-историки совершают преступление не только против совести, но и против бедной музы Клио, покровительницы исторической науки. В конечном счёте, эти деятели просто обediaют историю латышского народа, низводя всё многоцветье красок и полутонов к примитивному противопоставлению чёрного и белого. Запомним же главное: **не было в древности никакого глобального балто-славянского противостояния**, как не существует сегодня причин противостоять друг другу русским и латышам. И доказывают это две серьёзные науки: филология и археология.

В любом учебнике по истории Латвии можно найти карту расселения балтов, будто бы занимавших в начале I тысячелетия н.э. огромное пространство от Балтийского моря до верховьев

Волги, Днепра и Дона. И вдруг это огромное племенное и языковое объединение по каким-то непонятным причинам оказалось вынужденным ужаться на клочке территории Литвы, южной Латвии и восточной Пруссии, в то время как великое пространство вокруг этого небольшого балтийского пятка оказалась во власти славян, пришедших якобы откуда-то из Карпат. Преисполненные русофобии «историки» находят этому факту убедительное объяснение. Оказывается, всё легко объясняется «агрессивностью славян и миролюбием балтов»! Традиционно жестокие славяне обижали бедных балтов... Особенно свирепых куршей, которые своими набегами наводили ужас на датских и шведских викингов. Датчане даже молились в церквах: «Боже, спаси нас от куршей!» (исторический факт). Или же воинственные пруссы, ну такие беззащитные... Вспомним «мирных» жемайтов-земгалов (не раз громивших железную конницу крестоносцев)... Смешно? Получается как-то нелогично.

Ведь не были никогда балты беззащитными барашками и всегда умели постоять за свои интересы! Просто непомерно лжива та карта и не было никакого «сплошного расселения единого балтского народа» по огромной территории теперешней Белоруссии, России и северной Украины. Но что же тогда было?

С какого времени следует вести отсчёт истории русских в Латвии? **Полагаем, что с самых первых дней появления здесь восточнославянских племён.** В конце концов, это будет логично и справедливо. Если, например, курши и земгалы считаются предками современных латышей, то почему бы не признать предками русских древних славян кривичей, тем более, что *krievs* по-латышски и означает РУССКИЙ!

Мало кто, кроме специалистов, знает о том, что ещё в советские годы на территории восточной Латвии были обнаружены материальные следы проживания в наших краях т.н. «протославян», относящиеся ещё к началу I тысячелетия нашей эры. Это очень архаичная эпоха. Настолько древняя, что языковое и племенное единство балто–славян в то время ещё было памятно, и только складывались два народа–племени. Появляются лишь некоторые незначительные отличия. Поэтому в науке именуют их предельно корректно: «протославяне» и «протобалты». В истории эта эпоха называется Великим переселением народов. Обнаруженные латвийскими археологами протославяне, соседствуя с финно–уграми и протобалтами, жили здесь ещё задолго до того, как основная славянская масса двинулась к Дунаю. Но их потомки продолжали жить на земле Балтии ещё не одну сотню лет!

Какую бы группу индоевропейских языков мы не взяли: романскую и германскую, армянскую и греческую, санскрит и авесту (самый старый индоиранский язык) — и лексика, и морфология каждого из них будет существенно отличаться. У балтийских и славянских языков отличия почти отсутствуют. Вот лишь некоторые примеры общих слов, дошедших до нас из глубины веков: «изба» произошло от старославянского «истѣба» (латышская «istaba»); латышское «bite» родная сестра русской «пчела», от старославянского «бъчела»; «птица» в древности звучала совсем как латышская «putns» — «птъица»; «es esmu» — «аз есмь»; «tu esi» — «ты есть». Список таких сочетаний можно продолжать очень долго. Лингвисты подсчитали, что славян и балтов роднят 1 600 общих корней и масса единых древних слов. Интересно, что 112 слов известны только в русском и латышском языках (грудь — *krūts*, заяц — *zaķis*, нож — *nazis*, рука — *roka* и т.д.). По утверждению профессора Я.Эндзелина балтийские и славянские языки ближе друг к другу, чем любые другие индоевропейские! Доказано, что когда–то существовало балто–славянское языковое единство, и ещё тысячу лет назад славяне и балты могли разгова-

ривать друг с другом без переводчика. И жили они по соседству, «чересполосицей», когда мирно, а когда враждуя. Именно этим и объясняется наличие предметов балтской культуры в самых отдалённых местах, что дало основание национально продвинутому прибалтийским историкам утверждать, что балты некогда населяли «весьма обширные территории», и с гордостью отмечать эти области на картах. Да, населяли. Но только не ВМЕСТО славян, а СОВМЕСТНО со славянами. С братским, почти единокровным народом.

Когда же произошло вычленение из балтославянского единства славянских и балтийских племенных образований? Археологи утверждают, что уже в начале I тысячелетия появляются различия в области народностей (понятие «национальность» относится только к эпохе капитализма, не раньше). Окончательно формирование всех племенных объединений, которые исчисляются в «Повести временных лет», завершилось к V веку. Но даже после возникновения этих племенных образований продолжался весьма активный обмен бытовыми, общественными и культурными ценностями, начиная от глиняных горшков и заканчивая невестами.

Но вернёмся к археологии. В восточной Латвии уже много раз находили типичные захоронения кривичей и новгородских словен. Располагались они как отдельными группами, так и попеременно с латгальскими захоронениями. Имеются и единичные, обособленные славянские могильники. Таких «длинных», «удлинённых», «круглых» и «конусообразных» курганов в Латгалии обнаружены десятки. «Эти памятники, — пишет историк В.Уртанс в своей работе, подводящей итоги всем прежним исследованиям латышских археологов, — обычно этнически смешаны, так как здесь жили латгалы, финно–угры, кривичи, даже новгородские словене. Отсюда, особенно в северо–восточной Латвии, большое разнообразие в типах могильников». К примеру, в Каталаве вскрыто 16 трупосожжений и лепная керамика. Подобная керамика известна из памятников днепро–двинской культуры. В деревне Латышонки найдены трупосожжения X века н.э.

Могильник Яномоле (Даугавас локи, левый берег р.Даугавы напротив д.Жидино). Один из многих известных нам могильников культуры длинных курганов. Именно так хоронили своих усопших кривичи и новгородские словене. В этих краях находится более 100 длинных курганов, древнейшие из которых относятся к VIII веку. Археологическая экспедиция под руководством Н.Ефимовой работала здесь с 1982 по 1988 гг.

с вещами латгалов и кривичей.

В погребальном обряде, в могильном инвентаре латгалов и славян-кривичей наблюдается взаимное влияние. Следы восточно-балтийского погребального обряда отмечены в курганах древней Руси. С конца X века в захоронениях часто встречаются женщины-славянки, жены латгалов. Славянские курганные могильники на территории восточной Латвии имеют много общего с курганами восточной Эстонии, Псковщины и Полотчины. Но, самое главное! Славянские поселения, как отмечает В.Уртанс, до сих пор **не исследованы**, хотя городищ, предположительно славянских, очень много в юго-восточной Латгалии. Кроме того, антропологический материал указывает также на «некоторую примесь славян». Вряд ли всех этих славянских городищ когда-либо коснётся лопата латвийского археолога. Слишком не стыкуется наличие славянского автохтонного (т.е. «ко-

ренного», с начала I тысячелетия н.э.), населения Латвии, с тезисом о «земле латышей». Впрочем, некоторые лукавые изыскатели находят выход и из этой скользкой ситуации, отмечая на территории древней Латгалии любопытную этническую диковину, т.н. «латышей-кривичей».

О многих сторонах жизни в те стародавние годы мы можем судить по латышским дайнам (здесь и далее пер. Б.Ф.Инфантьева), многие из которых имеют весьма древнее происхождение. Например, поговорим о превратностях любви.

*К русским ходил, к литовцам ходил
Невест искать.
Из-за меня в Видземе
Девичья матушка померла.*

«Видземе» в этой песне, конечно, более поздняя вставка. «Девичья матушка» умирает, должно быть, с горя или из зависти: парень ищет себе невест не в Видземе, а на чужбине; её же дочери остаются незамужними.

К этому же, наиболее древнему, слою можно отнести и следующую песню:

*Меня матушка поднимала молотъ,
Я точу сабельку.
Мне русская хлеб печёт
Просеяв через волосяное сито.*

Упомянутое в песне «точение сабельки» явно относит эту песню к эпохе не позднее XIV века, когда латыши были ещё более или менее свободными людьми, носили оружие, принимали активное участие в военных походах. А вот «русский» увозит латышскую девушку:

*Русский, русский, чужанин,
Увёз меня в русскую сторону.
Высокие кони, низкие ворота,
Сорвут мой венок.*

Срывание веночка — символ лишения невинности, свидетельствует о древнем происхождении песенного сюжета. О том же говорят и «высокие кони». Речь идёт о езде верхом, как оно и бывало в древности при умыкании невест. Очевидно, что русские являлись для похищения невест довольно часто. Не зря латышский паренёк использует это обстоятельство, уговаривая мамашу своей избранницы:

*Отдай, матушка, мне девицу,
Куда ты её денешь, не отдав мне?
Придут русские, увезут.
Не будет ни тебе, ни мне.*

Увезённая на Русь латышская девушка приносит с собой, посещая родной дом, предметы русского быта:

*Прискакали русские кони,
Зазвенели русские бубенцы;
Может, приехала наша сестрица,
Которая живёт в Русской земле.*

Конечно, мы далеки от того, чтобы видеть в совместном проживании балтских и славянских племён лишь идиллически-дружное сосуществование. Жизнь есть жизнь, и обнаруженные при раскопках древних поселений пепелища свидетельствуют о конфликтах, завершавшихся грабежом и сожжением городищ, о чём говорят и латышские народные песни. Правда, в этой ситуации крайне сложно рассуждать о причинах этих ссор. В конце концов, мы помним из средневековых хроник и о набегах литвинских всадников, и о визитах суровых эстов. Да и ливы с латгалами не оставались в долгу у соседей.

*Сине-зелёный свет забрезжил,
Красным взошло солнце!
Иль то мои братики
Русскую землю палили?*

В многочисленных вариантах этой песни рассказывается, что лихие «братики» жгут не только замки, но всю русскую землю. Особенно примечателен один вариант, где они опустошают Русь, желая раздобыть русские деньги, русских гнедых жеребцов, длинные (долгополые) русские шубы, а также русские куньи шапочки. Правда, латышские парни занимались опустошением русских земель и в XIII–XIV веках, уже под руководством немецких рыцарей. Но тогда всё награбленное добро доставалось тевтонам, по крайней мере, львиная его доля. Очевидно, что песни, в которых говорится о том, что добыча остаётся в руках «братиков», следует отнести к доливонскому времени. Вообще, военные действия в русской земле, оружие, кони,

могилы «братиков» на чужбине упоминаются во многих песнях.

Весьма любопытны песни, в которых раздаётся призыв латышей к русским прийти на помощь против иных иноплеменных врагов, прежде всего, зловредных литвинов.

*Русские, русские, где вы были,
Литовцы пришли на эту землю!
Прикатились через море (?)
Как красное сукно.*

В другой песне этот призыв ещё более конкретизируется:

*Русские, русские, чего ждёте,
Литовцы пришли на эту землю!
Точите шпоры, обувайтесь,
Седлайте жеребчиков.*

Небезынтересно отметить, что в песнях этого цикла названы совместные боевые действия латышей и русских только против литвинов. Эсты, ливы и пруссы как противники латышей в песнях не зафиксированы ни в одном варианте.

Итак, мы убедились, что из неких политических соображений утаивается тот факт, что к началу XIII века на территории восточной Латвии уже сотни лет проживали славяне-русы и существовали славянские поселения, которые мирно соседствовали с городищами латгалов и ливов. Более того, эти земли бесспорно входили в административную систему древней Руси. Временем отсчёта можно считать X век, когда поход Владимира Святого на Полоцкое княжество определил их принадлежность Киевской державе. Тогда же, в X веке, река Даугава стано-

вится западным ответвлением легендарного торгового пути из Варяг в Греки. В древнерусских летописях, среди народов, которые «иже дань дают Руси» упоминаются литвины, эсты, земгалы (земигола), курши (корсь), ливы (либь). Об этом же говорит и автор знаменитой «Повести временных лет», относящейся к началу XII века. Влияние Полоцкого княжества распространялось на всё нижнее течение Западной Двины (Даугавы), вплоть до берегов Венедского залива, именуемого ныне Рижским. О правах русских князей напоминали «камни Бориса», лежавшие по берегам в среднем течении реки. Выбитая надпись «Помоги, Господи, рабу твоему Борису», связана с именем Бориса Всеславовича. Город Юрьев (ныне — Тарту) был основан в 1030 году Ярославом Мудрым и назван христианским именем этого князя.

Князья и дружинники нередко посещали балтийские вотчины, отправляясь «на полюдьё». В Ипатьевской летописи под 1117 годом записано: у князя Рюрика Ростиславовича на пути из Новгорода в Смоленск родился сын Михаил. Произошло это в Лючине (ныне г.Лудза). В честь этого события князь поставил там церковь во имя Св. Михаила. Так что не случайно немецкий монах Мейнард, как пишет Генрих Латвийский в своей «Хронике Ливонии», испрашивал разрешения у полоцкого

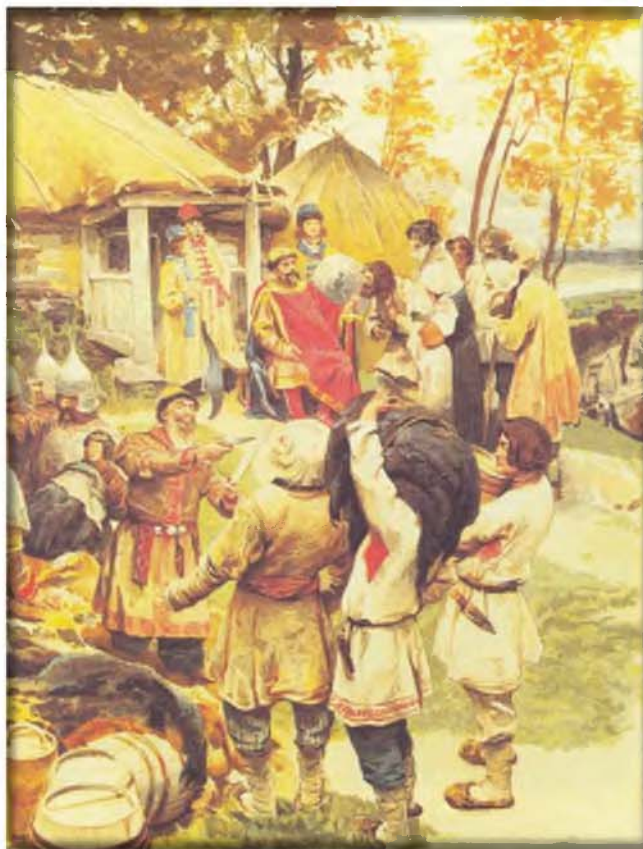

Один из камней с молитвенной надписью о помощи Борису (не сохранился). Отмель Западной Двины, фото начала XX века.

князя Владимира на проповедование христианства в его землях и строительство церкви в Икесколе (Икшкиле). Тогда же Папа римский Климент III в послании к бременскому архиепископу прямо указывает, что Икшкильское епископство основано на Руси (*in Ruthenia*).

Естественно, что находясь в рамках соответствующей административной системы, подданные обязаны платить подати, или, по-нынешнему, налоги. Почему-то это обстоятельство сегодня никого не шокирует и воспринимается, как должное. Но, относительно событий восьмисотлетней давности, латышские учебники истории с трагической интонацией пишут о «дани», которую недобрые русские собирали с бедных балтов. Те, оказывается, «упорно боролись за свою политическую независимость, т.е. против уплаты дани». Оказывается, можно не платить налоги государству, объявив это «борьбой за политическую независимость». Интересно, а как бы отнеслись к подобной постановке вопроса латвийские налоговые службы? Напомним, что в США неуплата налогов относится к серьезнейшим антигосударственным преступлениям. Конечно, формально можно сказать, что сегодня налоги взимаются как процент с доходов частных и юридических лиц, но в старину власть в такие тонкости не вникала. В Древней Руси князья и их вассалы с дружинами ежегодно объезжали свои владения, собирали подати, вершили суд. Эти поездки назывались *полюдье*. Налоги вносились чаще всего натурой (меха, мёд, воск, янтарь) и были тогда совсем не обременительны. Защита, получаемая от княжеских дружин, и спокойная охраняемая торговля ценились дороже мифической «независимости», при которой мирные поселения постоянно подвергались набегам и грабежам воинственных соседей. Места остановок при сборе податей носили название «погост» (латыш. *pagasts*) — от слова «гостить».

Латгалы и ливы традиционно выплачивали полюдье полоцким князьям. Область Талава, соседствовавшая с эстами, а также северо-восточная земля Атзеле, были зависимы от властей Пскова.

Полюдье, худ. К.Лебедев

О политическом влиянии Руси сохранилась память в словах: *sods* (суд), *sogis* (судья), *robeža* (рубеж, граница), *kalpi* (холопы) и т.д. Известна древняя русская пословица: «*Артель суймом крепка*». *Суйм*, или *сuem*, *сейм* — сходка, общее собрание. Кстати, именно так *Saeima* называется парламент Латвии.

Согласно одной из легенд, город Краслава получил своё имя от кривичей, называвших это место «красной (красивой) лавой» (лавочным прилавком). По тому же преданию в X веке Краслава являлась вотчиной полоцкой княжны Рогнеды Гориславы. С её пребыванием в этих краях легенда связывает «Театральную горку», на которой много позже, в XVIII–XIX веках, давали представления, откуда и название самой горки. Упоминаемый в летописях город Володимерец, ныне Валмиера, назван так по имени князя Владимира псковского, который был там судьёй.

Через славянские земли в Прибалтику доставлялись металлы: бронза — из Дунайских земель, серебро из Трансильвании, золото — с юга. Раковины каури, которые привозились

Предметы, вывезенные из Древней Руси — оловянные и перламутровые крестики, бронзовая лунница, раковины каури, оловянные подвески и серебряные бусы. XII–XIII вв. (музей истории Риги)

с Индийского океана и использовались как ожерелья, известны на территории Латвии с VII века. Предметы роскоши везли из Византии, из Балтии же вывозили пушнину, воск, мёд, янтарь. Но, в основном, Прибалтика тогда, как и сейчас, являлась транзитным мостом между Западом и Русью. Хотя, хронист Адам Бременский свидетельствует, что сами местные жители «ограничиваются грабежом проезжавших купцов и вынуждением у них пошлины». Торговые пути проходили по морям и рекам. Предприимчивые русские купцы обогатили в те времена латышский язык новой лексикой: *tulks* (толмач), *tirgus* (торг, рынок), *bezmens* (безмен), *podš* (пуд), *mērs* (мера), *cena* (цена), *zelts* (золото), *sudrabs* (серебро), *kipcis* (купец), *katls* (котёл), *bloda* (блюдо), *kažoks* (кожух, тулуп), *zabaks* (сапог) и др.

С деятельностью русских торговцев, толмачей и путешественников, возможно, связано наименование населённого места Митава (г.Елгава) —

места мены товаров, произошедшего от латышского слова *mīties* (меняться).

Культурное влияние Древней Руси сказалось и в том, что уже с X века на территорию нынешней Латвии стало проникать христианство, прежде всего православие. Даже хронист Генрих Латвийский был вынужден признать, что к моменту прихода сюда немецких «цивилизаторов», среди местных жителей, наряду с язычниками, было немало крещёных людей. Правда, в отличие от западных поборников «истинной веры», русские власти не стремились поголовно окрестить своих подданных. Достаточно было того, что христианами были князья, дружина и представители местной знати. Никто не стремился ломать души латгалов и ливов, заставляя их насильно принимать чужую веру. Приобщение к православию шло достаточно мирно и последовательно. Иное дело, немецкие рыцари, ко-

торые позднее огнём и мечом доказывали заблудшим грешникам все преимущества католицизма, попутно присваивая их имущество. Из древнерусского происходят такие, связанные с церковной жизнью заимствования в латышском языке, как *baznīca* (божница, церковь), *krusts* (крест), *svēts* (святой, священный), *svētki* (святки), *svece* (свеча), *zvans* (звон, колокол), *grēks* (грех), *gavēt* (говеть, поститься), *karogs* (хоругвь), *nedēļa* (неделя) и др. При археологических раскопках часто находят предметы христианского культа, нательные крестики (из Византии или русского производства), подвески с изображением святых. Хотя, конечно, масштабы распространения православия, как пишет один деликатный историк, «были несоизмеримы с успехами немцев в распространении католицизма в XIII веке». Но мы уже знаем кровавую цену этих «успехов»!

Сегодня официальные латвийские историки пишут о том, как «свободолюбивые жители древней Латвии» боролись против русских «оккупантов». Причём, в качестве примера такой борьбы приводится ЕДИНСТВЕННЫЙ достоверный факт, как в 1107 г. (по другим данным в 1106) земгалы разгромили войско незадачливых князей Всеславовичей, потерявших тогда 9 000 воинов. Безусловно, случай вопиющий. Хотя тенденцией его называть всё же несправедливо. Мы помним судьбу князя Игоря, который был уничтожен вместе со своей дружиной возмущёнными его жадностью древлянами. Разве это даёт право говорить о «свободолюбивых древлянах», которые боролись «за политическую независимость» от Киевской Руси? Напротив, покарав незаконного Игоря, они предложили его вдове Ольге в мужья своего князя Мала. Но никто и не заикался о выходе из состава державы и образовании «самостийной Древлянии». Мы не знаем всех подробностей несчастного земгальского похода. Но противопоставлять русских «захватчиков» и «независимых» балтов, значит элементарно передёргивать историческую правду. Кстати, почему-то вы нигде не найдёте историй о том, как с русскими «захватчиками» боролись

латгалы и ливы, которым, между прочим, как раз воинственные земгалы (жемайты) частенько досаждали. Так что, не был ли поход полоцких князей в Земгалию как раз попыткой защитить своих подданных от грабительских набегов опасных соседей?

Именно включение балтийских земель в культурно-политическую среду Древней Руси способствовало экономическому процветанию народов, проживающих там, и являлось фактором культурно-цивилизующим. Верховная власть древнерусских князей над прибалтийскими народами не нарушала их хозяйственного уклада и общественной жизни. Наоборот, всё свидетельствует о том, что русские князья предоставляли своим т.н. «данникам» полную свободу внутреннего управления и хозяйственной жизни. Археологические раскопки показали, что в IX–XII вв. «восточное влияние» на территории Латвии абсолютно преобладало, причём в это время наблюдается резкий подъём культуры быта, ремесленного производства и уровня зажиточности населения. Особенно это заметно по вещам, обнаруженным в захоронениях. Наиболее массовый предмет — посуда, с линейным или волнистым орнаментом, которая ничем не отличается от общеславянской. Такие же горшки находили и у земгалов, и в латгальских городищах. Маленькие пряслица из красного камня-шифера, что производились только на Волыни. Серебряные и бронзовые витые браслеты, фибулы,

Фрагменты стеклянных браслетов из Древней Руси. XII — начало XIII вв. (музей истории Риги)

Серебряные денежные гривны. XI–XII вв. (музей истории Риги)

разноцветные бусы, оковки поясов и многие другие украшения, которые находят в погребениях древних латышей, по приёмам ремесленной обработки воспроизводят соответствующие изделия на Руси. В Прибалтике появляются вещи из Приволжья, боевые топоры из степного юга, мечи киевских оружейников. Работой киевских мастеров были и подвесные орнаментированные замки (значит, появилось, что запирать!). К этому же периоду относятся находки кладов серебряных слитков, найденные во многих местах, например, в районе Риги, Даугавпилса, Цесиса и др. В X–XI вв. были зарыты богатые клады арабских и византийских монет. Это говорит о том, что изменился характер торговли. Если раньше всё выражалось простым, натуральным обменом продуктов одного на другой, то теперь в качестве меры стоимости используется серебро. Соответственно весу смоленской гривны выработалась местная денежная единица — *озеринь* (около 100 гр. серебра). Происходит накопление денег и драгоценностей в руках представителей местной знати, *бояр*.

В ту же эпоху появляются первые города и первые государственные образования на территории нынешней Латвии.

Найдены остатки древних городищ в Талси, Кулдиге, Тервете, Межотне, Асоте, Кандаве и ещё во множестве других мест. Древние хроники до-

несли до нас имена некоторых владельцев отдельных замковых поселений: Ако, Каупо, Ламекин, Русин и другие. Кроме владений «куршского короля» Ламекина, известны лишь четыре серьёзных государственных образования, которые с полным основанием можно отнести к небольшим княжествам. Это Земгальские земли, во главе с правителем Виестартсом, Талава, во главе с Таливалдом, Кокнесе, во главе с Ветсеке, и крупнейшее из всех Ерсик-

ское княжество, во главе с Висвалдисом. И если в отношении первых двух мало сомнений в их балтском происхождении, то по поводу Ветсеке (Вячко) и Висвалдиса (Всеволода) уже не одно десятилетие ведутся идейные споры. Но при любом раскладе, и Талава, и Кокнесе, и Ерсика безусловно относились к землям Древней Руси!

Центр княжества Кукенойс располагался у места впадения в Даугаву р.Персе. Древнее название города русское — *Куконос* — по имени речки Кокны (прежнее имя р.Персе) и означало «мыс Кокны». По другому варианту, *нос* — приток реки. В своей хронике Генрих Латвийский прямо называет Кукенойс «русским городом» (*castro Ruthenico*). Теперь на этом месте стоит небольшой латвийский городок Кокнесе.

В древности здесь находилось торговое поселение, в котором проживали купцы и ремесленники. Археологические исследования показали, что оно представляет собой многослойный исторический памятник с толщиной культурного слоя 4–7 м. Люди поселились здесь ещё в середине I тысячелетия н.э. Городище-замок занимало площадь 2 000 кв. м. Оно было обнесено валом с мощными деревянными стенами. Учёные нашли остатки православной церкви XII века. Она стояла на каменном фундаменте. Были открыты настил пола из доломитового камня и каменные ступени,

устроенные при входе. В вещевом инвентаре и домостроительстве Кокнесе больше, чем где-либо в Латгалии, проявляется влияние древнерусской культуры. К изделиям из Руси относятся стеклянные бусы, браслеты, перстни... Найдена свинцовая печать Св. Георгия и Софии с греческой надписью. Преобладает гончарная керамика древнерусского образца (98%). Судя по находке массивного деревянного предмета с выемкой и ручкой, имеющего аналогии среди приспособлений для натягивания паромного каната, там действовала паромная переправа через Даугаву. Материалы раскопок свидетельствуют, что в городе бок о бок жили русские, латгалы, селы. В 1209 году Орден меченосцев начал здесь строительство каменного замка. Нынешние развалины относятся к последнему периоду его истории — 1209–1701 гг.

Куkenойс был прежде всего воинским поселением. Об этом свидетельствуют бронебойные наконечники стрел, которых там найдено особенно много. В замке постоянно находилась боевая княжеская дружина, защищавшая окрестные земли от

набегов воинственных соседей (литвы, земгалов, эстов). В начале XIII века княжеством управлял внук одного из героев «Слова о полку Игореве», смоленского князя Давыда Ростиславича, отважный воитель Вячеслав Борисович (Вячко), которого латвийские учебники истории именуют «правитель Ветсеке». Знаменитый Татищев, рассказывая про Вячко из Кокнесе, ссылается на летопись Еропкина, где повествуется о Борисе Давидовиче Полоцком, жене его Святохне и сыновьях Васильке и Вячке. Увы, эта летопись погибла в 1812 году во время Наполеоновского нашествия.

Генрих Латвийский в своей хронике отзывался о нём достаточно уничижительно, возможно, потому, что Вячко был ещё очень молод. Об этом свидетельствует и то, что нигде не говорится о его семье, поскольку он в то время ещё не был женат.

Правитель Куkenойса пытался жить с тевтонами в мире и добрососедстве. В 1207 г. Вячко встречался с Альбертом, и *«епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием...»*. За это пришлось обещать немцам

Кокнесе. Развалины орденского замка, выстроенного на месте крепости Вячко. Фото начала XX века.

половину своих владений. В том же году, несмотря на мирные договорённости, воины епископского вассала Даниила фон Бенерова напали на Куке-нойс. Об этом достаточно подробно поведал нам Генрих Латвийский: «Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а всё имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли».

Многое непонятно в этой истории. Вряд ли рыцарь Даниил решился на эту провокацию без тайного одобрения своего сюзерена еписко-

па Альберта. Странно выглядит и захват замка. Получается, что немцы с какой-то непонятной лёгкостью проникли в крепость, благодаря «мало бдительной» страже! В рассказе хрониста чувствуется лукавая недоговорённость. С большой натяжкой можно списать всё на юность князя и легкомыслие его молодой дружины, проспавшей нападение врага. Казалось бы, эта тайна должна быть навсегда погребена в толще времён. Но сохранилось в окрестностях Кокнесе одно старинное предание, которое дошло до нас сквозь столетия и многое объясняет. Вот эта легенда: «Когда-то в Кокнесе правил богатый властитель. Похвалялся он верностью своих слуг, которую щедро оплачивал. Однажды на пиру, когда он снова принялся бахвалиться, какой-то швед заметил: „Купленная верность не многого стоит!“. Правитель высмеял шведа и предложил ему доказать правоту

Кокнесский замок сегодня. В 60–е гг. его окрестности были затоплены водохранилищем Плявиньской ГЭС.

своих слов. Тот вызвался завоевать Кокнесский замок, который в ту пору считался неприступным. Швед набрал войско и осадил его. С замкового вала всячески высмеивали осаждавших. Тогда швед приблизился, вынул из кармана тяжёлую золотую цепь и сказал: „Эту цепь получит тот, кто ночью отпрёт ворота. Кроме того, я обещаю возвысить этого человека над собою и над всем моим войском“. Не проронив больше ни слова, он ушёл. Настала ночь. Владелец замка, полагаясь на своих людей, спокойно лёг спать. Около полуночи один из сторожей тихо приоткрыл ворота. Осаждавшие вошли в замок и разграбили его. Правителя и его слуг, которые спокойно спали, шведы не тронули. Когда замок был начисто ограблен и все богатства вынесены, швед подозвал слугу, отворившего ворота, петлёй накинул ему на шею золотую цепь и сказал: „Цепь ты уже получил, теперь я возвышу тебя“. Сказав это, он повесил предателя на одном из столбов. Потом швед написал на листе бумаги: „Этот человек отпер ворота замка, чем заслужил золотую цепь и положение надо мною и моими воинами“. Лист бумаги он прикрепил к столбу рядом с повешенным и удалился. Утром владелец замка, потрясённый случившимся, и боясь ещё большего позора, бросился с замкового вала в реку Персе». Если сделать поправку на некоторые детали и то, что со временем немецкий крестоносец превратился в «шведа», то картина становится предельно ясна. Не обошлось, как видно, без подкупленного мерзавца, который и впустил кнехтов в крепость. Хочется, однако, верить, что старинная легенда доносит до нас реальное положение вещей, и рыцарь Даниил действительно повесил негодяя на замковых воротах, «возвысив его» над всеми.

Можно представить ту бездну отчаяния и позора, которую ощущал в душе молодой гордый Вячко. Преданный и ограбленный, он был отправлен в Ригу. Епископ Альберт лицемерно «возмутился» и через несколько месяцев (!) отпустил пленника. Весной 1208 года он вернулся в свой разорённый замок, сопровождаемый двумя десятками рыцарей. Их разместили в крепости. То, что случилось по-

Предстояние, худ. Ю.Ракша

том, немецкий хронист возмущённо именует «изменой» и «вероломством». Дождавшись удобного случая, воины Вячко безжалостно вырезали тевтонов, бросив тела убитых в Даугаву. Не дождавшись помощи из Полоцка, князь Вячко поджёг свой замок и ушёл на Русь...

История древнейшего на территории Латвии города и княжества Ерсика (Герцике) восходит к X столетию, если не к более раннему периоду. Легендарное и ныне почти забытое древнерусское княжество на Двине являлось уделом Полоцка. Обширна была его территория, к которой относились земли на левом берегу Даугавы, дюжина замков с прилегающими к ним деревнями. Большая часть этих малых крепостей принадлежала русским «мужам» — дружинникам, о которых говорится не только в хрониках, но и в исторических актах. Они платили подати князю Ерсике, оказывали ему помощь на войне. Кроме Генриха Латвийского, Герцике (Герцикэ) упоминается у Германна фон Вартбергэ в Chron. Livoniae, у Дитлеба фон Альнпекэ в Рифмованной Хронике и во многих актах XIII–XIV вв. Позднейшие упоминания относятся к 1359 году.

Известно, что город Герцике был и велик, и богат. Во время своих грабительских набегов немецкие рыцари не раз брали там множество ценной

Вид на валы Ерсика со стороны реки

Валы детинца

Ерсика.
Вид с крепостного вала
на Даугаву.

Общий вид Ерсикского городища

Русский князь, худ. О.Фёдоров

добычи. Город был населён не только русскими, но и латгальско-селским населением. Находился он на правом берегу Даугавы. С трёх сторон городище имело крутые склоны, а с напольной стороны было защищено дугообразным валом и деревянными стенами. Площадь укрепленного поселения составляла 7 500 кв.м. За валами города находилась обширная неукрепленная часть. В начале XIII века здесь стояли две православные церкви.

Само название *Герцике* сближается со старославянским *град*, польским *grod*, русским *город*. В качестве аналогии можно вспомнить *Городище* — наименование рюрикова замка близ Новгорода, на правом берегу Волхова, называвшегося у норманнов *Holmgardr* (островной город) или *Gardar*, с чем близко исландское прилагательное *gerzkr*, в более позднем написании *gerskr* — *русский*. Словом *Gerseke*, как и словом *Городище*, обозначалась часть Новгорода. Вывод в отношении двинского города напрашивается сам собою: если *Городище* на Волхове по-немецки *Gerseke*, то и *Gercike* на Двине, вероятно, не что иное, как *Городище*. Викинги X–XI вв. прекрасно знали Двину (*Dyna*), в сагах упоминают они и Полоцк (*Palteskja*) и Смоленск (*Smaland*). Знали они и русское поселение на Двине (*Даугаве*). Скорее всего, оно было первым на пути вверх по реке, ставшее им известным, как русское. Именно поэтому и было дано ему название с эпитетом *gerskr*. Исходя из норманнского происхождения названия *Герцике*, можно судить и о древности города. Уже около 990 г. на нижней Двине было много укрепленных мест (*Кокнесе*, *Герцике* и другие). Все они были укреплены русскими для обеспечения плавания по Двинскому торговому пути.

В начале XIII века правил в Ерсике князь Всеволод, которого латышские историки обычно называют «Висвалдисом». Но даже если, отрицая русское происхождение этого правителя, признать его православным латгалом, несомненно то, что он к тому времени полностью обрусел, а подданные его представляли собой многоязыкое и многоплеменное сообщество. Князь был женат

на дочери знатного литвина Даугерута. На этом основании некоторые делают вывод, что правитель Ерсики находился во враждебных отношениях с Полоцком, поскольку состоял в родственной связи со злейшими врагами полочан, литвинами. Однако средневековая история знает немало случаев, когда правители заключали династические браки, и это не мешало им в дальнейшем воевать друг с другом. Зять нападал на тестя, дядя на племянника, а брат мог резаться с братом. Всеволод пытался вести тонкую политику и, сохраняя вассальные отношения с Полоцком, налаживал дружбу с опасными соседями — литвинами, что в его обстоятельствах было весьма разумным шагом.

По словам Генриха Латвийского, князь был ожесточенным врагом латинян (т.е. католиков) и постоянно враждовал с немцами. Осенью 1209 года епископ Алберт двинул свои силы на владения Всеволода. Войско тевтонов ворвалось в город и, как пишет хронист: «...собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра...». В числе пленных оказалась и княжеская семья. Разграбив Ерсик и забрав в плен жителей, «благочестивые пилигримы» сожгли город дотла. Показательно, что ставя перед собой святую цель распространить среди язычников веру Христову, немцы без тени сомнения разграбили православные храмы Ерсики. Вспомним, что никто из древнерусских князей даже не пытался насильно навязывать христианство местному населению. У тевтонов такой подход вызывал презрительное недоумение. Как заявил один из епископов: «*Кто не желает креститься, тот должен умереть*».

После разгрома, чтобы спасти семью, Всеволод был вынужден признать своё подчинённое положение от епископа. Историк Карамзин в одном из примечаний о нём в соответствующем месте «Истории Государства Российского» приводит свидетельство немецкого источника. Клянясь епископу Альберту в верности, Всеволод называет его «пачка», что немецкий источник, а вслед за ним

и Карамзин расшифровывают как «батюшка» (следовательно, Всеволод говорил по-русски!).

В 1212 году в Ерсике прошла встреча полоцкого князя Владимира и епископа, при участии вождей латгалов и ливов. Тогда и состоялась окончательная передача земель по нижнему течению Даугавы епископу Альберту, в обмен на его помощь в отражении литовских набегов.

К великому сожалению, до нас не дошли летописи Полоцкого княжества — ценнейший исторический источник, способный прояснить многие тайны прошлого Прибалтики. Чтобы доискаться до Истины, надо кропотливо и тщательно собирать крупинки информации и самых отрывочных сведений. У нас нет никаких сомнений в том, что правитель Таливалд и его сыновья были латгалами. Но в отношении Вячко и Всеволода сведения противоречивы. И здесь нам неоценимую услугу могут оказать исследования Михаила Александровича Таубе.

Он родился 15 мая 1869 года. Юрист-международник и историк. Доктор международного права. Профессор Харьковского и Петербургского (1903–1911) университетов. Юридический консультант МИД (1906–1911). Вице-директор второго департамента министерства иностранных дел. Он был действительным членом Императорского Исторического общества, Имп. Общества ревнителей исторического просвещения, членом Московского археологического института, Витебской, Тульской и Псковской губернских учёных архивных комиссий и Псковского археологического общества. Особое значение для него всегда имела генеалогия. Михаил Александрович стал одним из учредителей Русского генеалогического общества в Петербурге (1896). С 1905 он также действительный член Историко-родословного общества в Москве. С 1917 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Берлине и в Париже. Член общества «Икона» в Париже. Член Международного трибунала в Гааге, один из крупнейших специалистов по международному праву Европы. Скончался 29 ноября 1961 года в Париже. Несколько скупых

строк биографии, за которыми скрывается жизнь долгая и яркая, жизнь настоящего рыцаря науки, подлинного служителя музыки Клио. К сожалению, эмиграция вычеркнула имя этого замечательного учёного из анналов советской исторической науки. Он и его исследования оказались под запретом. Но и сегодня открытия М.А.Таубе, не приветствуются в современной Латвии.

Относительно судьбы Всеволода информации крайне мало. Казалось бы, след утерян, тем более, что масса родовых архивов дворянских семей России безвозвратно сгинула в огне Гражданской и Мировых войн. Но, к счастью, М.Таубе ещё в предреволюционные годы провёл колоссальную исследовательскую работу, буквально по крупинкам разматывая генеалогические клубки и сверяя родовые предания, восстанавливал историческую правду.

Основываясь на своих кропотливых научных изысканиях, этот, один из авторитетнейших в Европе специалистов по генеалогии ещё в начале XX века однозначно относил *Wissewalde*, «князя Герцике», к русским князьям древнего рода!

Исследование М.Таубе, вообще обладающее генеалогическим уклоном, интересно ещё и тем, что автор научно обосновал своеобразную и далеко не случайную тенденцию старейших немецких фамилий в Прибалтике считать себя потомками древних владетелей страны, русских князей или ливских вождей. Например, потомками Всеволода из Герцике считал себя род фон Икскуль. Исследуя эту семейную легенду, М.Таубе выяснил, что передача в 1224 г. Всеволодом половины его владений в Герцике в лен рыцарю Конраду фон Мейендорф связана была с женитьбой этого рыцаря на дочери Всеволода. Овдовев, она вышла замуж за рыцаря Иоганна фон Бардевис, родоначальника фон Икскулей. Таким образом, род Бардевис–Икскуль оказывается владетелем значительной части бывшего княжества, и «наследники», упоминаемые в одном акте 1239 года, это внуки Всеволода, дети его дочери. Аналогично ведут свой род фон Тизенгаузен (от Софии, дочери Вячко), фон Унгерны (от Каупо и псковской княжны), фон Букстевде-

ны (от Владимира псковского). Велико значение подобных фактов. С одной стороны, завоеватели Ливонии, нижнесаксонские выходцы, в сущности, не что иное, как авантюристы без будущего у себя на родине. Они действительно могли пытаться закрепиться в стране не только силой оружия, но и наследственно. В любом случае, ссылки на родственные связи с русскими князьями, сохранившиеся в фамильных преданиях, говорят о том высоком статусе и значении, которое они занимали в древние времена на Ливонской земле.

М.Таубе был убеждён, что правитель Ерсики, упоминаемый в Хронике Генриха Латвийского, есть никто иной, как Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Романовича смоленского. Учёный доказал, что после 1215 г. Всеволод, «князь Герцике», на целых 10 лет, до августа 1225 года исчезает из поля зрения автора Хроники. В это же время в Пскове появляется князь Всеволод Мстиславич, участвовавший в дальнейшем в двух походах на Ливонию, а также в Липицкой битве 1216 г. После изгнания его новгородцами в 1221 году Всеволод Мстиславич упомянут в перечислении князей, бывших при Калке. Потом он в 1224 г. появляется на съезде князей в Киеве, а затем исчезает из русских летописей как раз к тому времени, когда в Хронике Генриха вновь появляется описание деятельности «князя Герцике» в Ливонии! Таким образом, один из авторитетнейших в Европе, специалистов по генеалогии Михаил Таубе, ещё в начале XX века однозначно относил *Wissewalde*, «князя Герцике», к русским князьям древнего рода.

Исследователь допускал, что князь Всеволод Мстиславич мог быть родственником Бориса полоцкого, и формулировал своё определение так: *«Происходивший от Рюрика в 11 поколении, женатый на дочери литовского вождя, Всеволод Мстиславич, из рода князей смоленских, был около 1200 г. призван стать удельным князем великого княжества полоцкого (бывшего в то время под сильным влиянием Смоленска), может быть, как родственник великого князя полоцкого и, вероятно, как двойная гарантия против Смоленска и литовцев»*. Последнее

известие о нём относится к 1239 г., когда согласно Лаврентьевской летописи Всеволод Мстиславич стал смоленским князем. Когда и при каких обстоятельствах скончался последний правитель Ерсики, нам не известно...

В 1184 году в устье Двины высадился монах Мейнард, ищущий для римской курии новых доходов. Он обратился к полоцкому князю Владимиру Всеславичу, которому ливы, ещё язычники, платили дань, за разрешением проповедовать в этой земле. Это явление благочестивого монаха и стало началом тевтонской экспансии. 1200 год. Епископ Альберт Буксгевден на двадцати трёх кораблях прибывает сюда, обманом захватывает ливских старейшин и вынуждает их предоставить ему место для постройки укрепления. В следующем, 1201 году начинается строительство крепости Риги — форпоста немецкой агрессии. Ставилась под контроль вся торговля по реке, верховья которой принадлежали русским. Это была стратегическая «свинья» — военный, экономический, религиозный клин в средостение Прибалтики. Со временем колония немецких миссионеров, купцов, профессиональных вояк, искателей приключений разрасталась: захватывала чужие земли, насильственно обращала в католичество окрестное население, привлекала на свою сторону местную знать, засылала на восток и юго-восток знатоков торговых, религиозных и военных перспектив. Учредилось ливонское епископство. В 1202 году появляется духовно-рыцарский Орден меченосцев. Русские купцы, добивавшиеся до земли пруссов, впервые увидели мечи на белых плащах. Плащей с крестами и мечами становилось все больше, и всё чаще они мелькали по окраинным землям Руси. Пёстрая западная орда вначале предавала огню и мечу береговые селения прибалтийских славян, пруссов, ливов, эстов, причем война с пруссами велась на полное уничтожение этого мужественного народа. В разноязычных летописях первой трети XIII века немало страниц, повествующих о героическом сопротивлении захватчикам, о кровопролитных

войнах, когда рядом с балтийскими ополчениями сражались русские. 1216 год. Эсты просят «полоцкого короля» Владимира помочь им «теснить войной» западных рыцарей, и русская рать отправляется в поход, к которому присоединяется новгородско-псковское войско. Началась «великая война русских и эстов против ливонцев». 1219 год. На подмогу крестоносцам идут войска датского короля Вольдемара II. Датчане захватывают северные районы эстонской земли, закладывают крепость Ревель. Единственное спасение эсты по-прежнему видели в помощи Руси и общенародном сопротивлении. По их просьбе в Юрьеве, Вильянди, других крепостях были размещены гарнизоны псковитян и новгородцев. Старейшины призвали народ к восстанию. Пользуясь превосходством в вооружении и осадной технике, рыцари разбивали войска отчаянно сражавшихся эстов и брали крепость за крепостью. Героически сопротивлялась Вильянди; после её падения всех русских, как пишет немецкий хронист, «повесили перед замком на страх другим русским». Полоцкое княжество, находившееся в силу исторических условий в относительной политической изоляции от остальной Руси, не могло своими силами защитить вассальных ливов, новгородцы и псковитяне — эстов: слишком большая сила ломилась с запада. 1221 год. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович направляет свои войска в землю ливов, осаждают Ригу; эсты снова поднимают всеобщее восстание. Война идет с переменным успехом. Ни Риги, ни Ревеля взять не удалось, отбить Вильянди тоже. Правда, у русских и эстов оставалась ещё сильная крепость Юрьев, основанная два века назад Ярославом Мудрым. 1223 год. Старейшины эстов снова прибыли, как пишет немецкий хронист Генрих Латвийский, «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян».

Это было тяжкое время. Тот самый страшный год, когда «короли» и богатыри русские почти все полегли на реке Калке. В том же году, как пишет Генрих Латвийский, новгородцы направи-

ли к эстам князя Вячко, поручив ему «господство в Дорпате [то есть Юрьеве, Дерпте, Тарту]», и, «чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, отдали ему подати окружающих областей».

Не было у тевтонов врага злее, чем князь Вячеслав Борисович. Лишившись родовых владений, став изгнанником, Вячко мстил последовательно и жестоко. Историк Карамзин пишет: «... чтобы удержать за Россией Дерпт [Юрьев] они [новгородские князья] уступили сей город одному из владетелей кривских, мужественному Вячку, который начальствовал прежде в Двинском замке Кукейносе. Имея у себя не более 200 воинов, он утверждал своё господство в Северной Ливонии — брал дань с жителей, строго наказывал ослушников и беспрестанно тревожил немцев». Однако судьба древней крепости и всех прилегающих земель эстов была predetermined. Епископ крестоносцев Альберт съездил в Германию за военной помощью, и в следующем 1224 году Юрьев был захвачен. Когда «русские все сбежались к воротам для отпора», крепостная стена, забросанная камнями из баллист и зажигательными горшками, была взята приступом. Последние русские воины пали в детинце... Редкий источник — «Жития русских святых» монахини Таисии повествует: «Князь же Юрьевский, Вячко, видя гибель своего города, бросился с конём с городской стены прямо в пламень, объявивший город — и погиб».

Постоянно набирая в Западной Европе подкрепления, захватчики продвигались всё дальше на восток и непосредственно перед нашествием Батые вышли к границам псковско-новгородских, литовских и галицко-волинских земель.

В 30-е годы XX века руководитель национал-социалистического движения в Латвии Э.Крёгер признает, что немцы всегда относились к коренным жителям Прибалтики «примерно как к туземному населению колонии». Лишь во второй половине XIX века реформа городских самоуправлений в России дала возможность «ненемецкому» населению хотя бы в городах участвовать в управлении общественными делами.

Осада Дерпта, 1224 г. Рисунок Фридриха-Людвига фон Майделя.

Любопытно, что в небольшом прибалтийском регионе немцы воспроизвели наглядные образцы тех двух главных направлений колониальной политики, которые впоследствии были осуществлены с аналогичным результатом англичанами и испанцами в Америке. Вспомним, какую войну на уничтожение развернули против индейцев англичане и как порабощали туземцев испанцы. В действиях просвещённых британцев можно усмотреть аналогию с кровавым геноцидом, проводимым орденом в Пруссии и, соответственно, испанцев — с деятельностью крестоносцев в Ливонии, когда захватчики позволяли себе некоторый гуманизм. Немецкий историк Генрих фон Трейчке писал в 1862 году: *«При роковом столкновении смертельно враждующих рас кровопролитная дикость быстротечной войны на уничтожение явля-*

ется более человеческой, менее возмутительной, чем ложно милосердная вялость, которая покорённых обрекает на одичание, а победителей либо ожесточает, либо низводит до тупого существования сродни побеждённым».

С древнейших времён предки латышей и предки русских соседствовали на земле Балтии. Случались иногда ссоры и конфликты, но не было кровавой розни, не было постоянной вражды. Не было жестоких завоевательных походов и кровопролитных сражений. Вспомним ту отчаянную боевую решимость, с которой балтийские народы десятки лет отражали крестоносную агрессию. Если б хоть малая часть этой самоотверженности как-то проявилась во время «грабительских набегов» русских князей, никогда бы они не смогли

выбить даже малую дань из отважных прибалтов! На самом деле, Древняя Русь вобрала Прибалтику в свою административную систему МИРНО. Не в результате жестокого завоевания, а путём последовательного и естественного слияния. Прибалтийская знать органично вращалась в служилую систему вассальной зависимости древнерусских княжеств, а удалыцы из балтийских племён охотно шли на службу в дружины русских правителей. Восприняв древнерусскую культуру, получая немалую выгоду в торговле, основываясь на близком языке и памятном ещё в ту пору племенном родстве, жители древней Балтии всё теснее сближались со славянскими соседями. Даже апологеты крестоносцев позже признавали, что с приходом тевтонов местное население ощутило страшную разницу между т.н. «русской властью» и более организованной, невероятно жестокой в своей последовательности и разнообразии методов порабощения властью немцев. Правление того же князя Ерсики не было для страны тем постоянным, систематически давящим гнетом, какой организовали впоследствии аккуратные тевтоны. И уж, конечно, русская власть не могла долго конкурировать с беспощадной и не стеснявшейся в средствах порабощения западной агрессией, перед напором которой первыми пали главные форпосты русского влияния Герцике и Кукеной.

Век XIII — это время феодальной раздробленности Древней Руси. Это время, когда «во крамолах княжеских век человеческий сокращался». Некогда мощное Полоцкое княжество сотрясало непрерывными междоусобными войнами, а появление немецких купцов и крестоносцев, захвативших устье Даугавы, нанесло сильный удар по торговле. Князь Владимир совместно с прибалтийскими народами вёл борьбу с немецкой агрессией, но из-за ослабления своего княжества, раздробленного на уделы, он не в силах был удержать свои позиции в Прибалтике. Кроме того, Полоцк находился под постоянной угрозой нападения литовцев. Тем не менее, князь готовил большой поход на Ригу, однако незадолго до начала боевых действий, весной 1216 года Влади-

мир умер. С этого момента, епископ Альберт и его подручные могли вздохнуть спокойно. Потеряв свои вассальные владения в Прибалтике, подвергаясь постоянным литовским набегам, Полоцкое княжество крайне ослабело и в 1223 году было присоединено к Смоленску. Но смоленские князья не смогли продолжить борьбу с орденом, так как в битве с татарами на реке Калке их силы были значительно подорваны. В 1229 году между смоленским князем и Ригой был заключён торговый договор.

Древняя Русь утратила свои позиции в Прибалтике, но эпизодически Дерптское епископство продолжало выплачивать дань вплоть до XVI века.

В 1212 г., когда после заключённого договора между Ригой и Псковом было достигнуто соглашение, «чтобы дорога по Двине для купцов всегда была открытой», в Риге появляется «Русское подворье», которое в книгах городского совета называют также «Русской деревней» (*das rusische Dorp*). Это было поселение купцов, прибывавших с верховьев Даугавы. Образовался целый квартал, где жили исключительно русские. Одни были купцами, другие занимались ремёслами. На территории Русской деревни находились жилые дома, склады, больница, приют и, даже, кладбище. Имелась и православная церковь Св.Николая Чудотворца (впервые упомянута в 1297 году). Церковь была каменная, с черепичной крышей и колокольной. Под влиянием немецких торговцев Рижский рат закрыл её в 1549 году. В дальнейшем храм был разорён шведами. В университетском музее шведского г.Упсала и поныне можно видеть четыре иконы, похищенные из рижской церкви Св.Николая. Подворье было окончательно ликвидировано во время Ливонской войны. Со временем строения разрушились (за исключением дома на ул. Алдару, 11). Именно Алдару вплоть до конца XVI века называлась «Русской улицей», но потом её переименовали.

В городских архивах, относящихся к XIV веку, персонально отмечено 88 русских купцов. Семь из них были рижскими домовладельца-

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

Ещё в конце XIX века согласно инвентаризации в упсальском музее хранилось 5 «русских деревянных картин», сейчас в наличии имеется только четыре. Они были описаны в книге С. Аннерштеда «История Упсальской Университетской Библиотеки», 1894, (стр. 82).

В их описании сказано:

«Все четыре иконы добыты как трофеи из Иезуитского монастыря в Риге в 1622 году».

1. «Мария Владимирская с младенцем». Примерно 1500 год, 31×26.5 см. Неизвестный иконописец, Московская школа, техника — масло по дереву. На задней стороне имеется надпись славян-

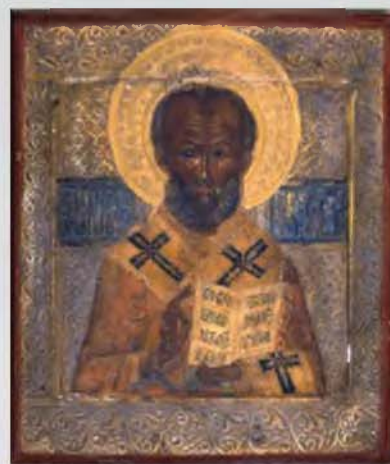
ской вязью: «Молись лику Марии, священника в Иванов Чренаеский» (некоторые слова невозможно разобрать).

2. «Святой Николай Чудотворец», 31×26.5 см. Неизвестный иконописец, Московская школа, техника — масло по дереву. На задней стороне надпись: «Этой иконе молится Габриэль из села...»

3. «Святой Николай Чудотворец». Вторая половина XVI века, 33×27.5 см. Неизвестный иконописец, Московская школа.

4. «Святой Николай Чудотворец». Вторая половина XVI века, 31,5×27 см. Надпись на поперечной полосе вязью «Николай Чудотворец».

Все иконы имеют многочисленные неровности и вмятины.

Икона Св.Николая Чудотворца (см. 4) из бывшей рижской Николаевской церкви

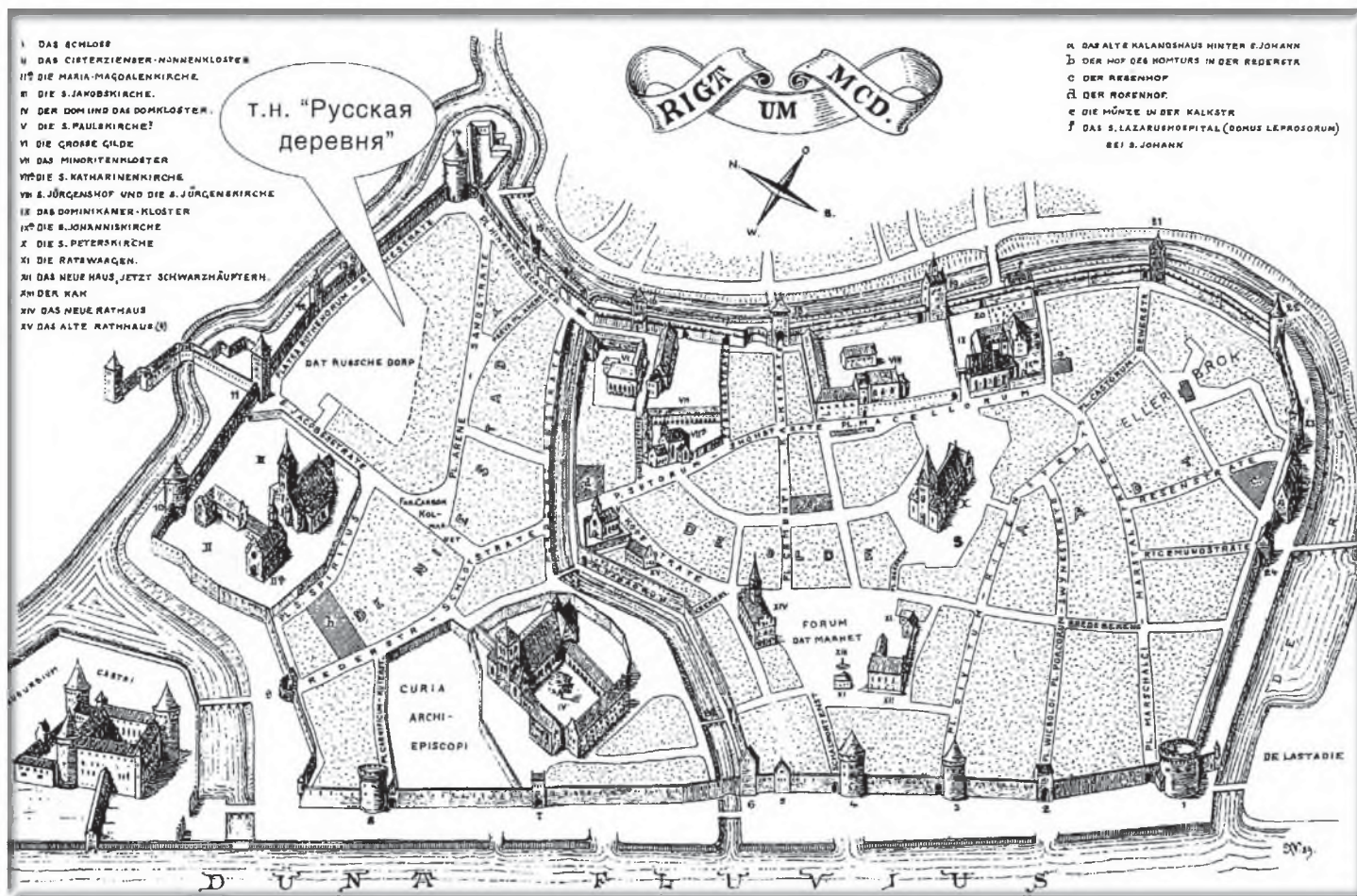
ми (бюргерами). Вот их имена: Афрем, Семён, Тимофей, Пётр, Дмитрий, Аким Скорняк и Демас Банщик. Известно, что предприимчивые русичи вели довольно оборотистую торговлю. Например, некий Тимошка около 1327 года торговал в самом Аюбеке. С 1330 года пятеро русских купцов имели постоянные торговые места на Ратушной площади у самого Дома Черноголовых.

Надо отметить, что выходцы из русских земель жили не только в «Русской деревне». Им принадлежали дома по всей Риге — как в черте города, так и в предместье. Кроме строений, они имели ещё и сады за городской стеной, и луга в Задвинье, и участки у озера Егель (Юглас). Торговые поселения древнерусских княжеств существовали и в других городах Аивонии, например, в Ревеле, Вендене, Дерпте.

В XIII–XIV веках русские купцы могли свободно торговать своим товаром и в Риге и за её пределами, без проблем закупая всё необходимое. Имели они право на территории Риги «торговать гость с гостем», то есть любой

Бывшая Русская улица в Риге (ныне ул.Алдару)

План г.Риги 1400 года (реконструкция В.Неймана)

русский купец с любым русским, немцем, латышом, ливом, эстом. Могли свободно пользоваться услугами любого весовщика и толмача. Но в XV веке в связи с распространением влияния Ганзейского союза положение резко меняется. Торговля теперь велась только при участии ганзейских посредников. Русский язык был объявлен монополией Ганзы. Учебные книги русского языка с записями отдельных слов и предложений содержались в строжайшей тайне. Вот лишь некоторые занятные фразы из одного старинного учебника:

- Лён перегнил, по половинам сгнил; лён костлив, нечист, стрепей в нём много.
- Сало не чисто, изварин в нём много.
- Среди белок много подпаленных, белки не гораздо росли, обляняли.
- Почему ты меня хочешь воочию обманывать? Товар нечист, да зачем ты мне его продаёшь?
- Твой товар с зароком, проволокой, залежался.

- В той сельди рассолу нет, эта сельдь сгнила.
- Твоё сукно хорь съел, сукно проволоклось, изгрядилось, смялось, цвет скинуло.
- Твой товар хитрёный.
- Мсти тебе Бог, что ты меня обманил, видит Бог и кривду, и правду.

Не надо думать, что все торговцы с Руси были жуликами. Эти примеры заучивались «на всякий случай» и вовсе не обязательно, что ими часто пользовались. Скорее были востребованы короткие заготовки, на предмет познакомиться с красной девицей. Ну, а для споров с торговым партнёром, иностранные купцы изучали фразы, позволявшие предъявлять разумные претензии. К сожалению, их по цензурным соображениям, мы здесь привести не можем...

Как видим, ещё в средние века рижане учили русский, предоставляли гражданство мигрантам с востока, торговали с Россией. И город, заметим, процветал!